

И.И. БАРИНОВ

*(Институт мировой экономики и
международных отношений
им. Е. М. Примакова, Москва)*

**УКРАИНА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ИТАЛИИ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД,
1919–1939 гг.**

Abstract:

Barinov I.I. *Ukraine in Italy's strategic plans in the interwar period, 1919–1939*

The article examines the place of various Ukrainian state projects in the implementation of strategic plans of the interwar Italy. The problem is discussed in the context of uneasy relationships between the Nazi Germany and Mussolini's Italy.

Ключевые слова: Версальская система, Италия, Муссолини, украинские государственные проекты, украинская эмиграция.

Итало-украинские отношения между двумя мировыми войнами редко становятся предметом специальных исследований. Не в последнюю очередь это связано с кажущейся отдаленностью двух стран друг от друга. Вместе с тем, если в Италии на протяжении долгого времени действительно ничего не знали о таком крае, как Украина, то в публичном дискурсе украинского национального движения Италия то и дело появлялась. Так, украинофилы в чем-то ассоциировали себя с итальянскими ирредентистами, боровшимися за соби́рание итальянских территорий в рамках одной страны. Это выражалось в том, что Галиция, в рамках этих представлений, именовалась «украинским Пьемонтом», то есть областью, с которой должна начаться (ре)конструкция Украины как государства. В 1929 г. бывший секретарь украинской дипмиссии в Италии Михаил Еремиев выпустил в Риме брошюру, в которой соотнес национальный подъем на Украине с движением за объединение Италии — Рисорджименто¹.

С началом Первой мировой войны подобные рассуждения в духе романтического национализма сменились более актуальной темой, а именно намерением разрешить так называемый «украинский вопрос» и совершить какие-то подвижки в сторону вероятного утверждения государственности. С этой целью украинские политики и публицисты стремились воздействовать на общественное мнение самых разных стран, в первую очередь — воюющих. Начиная с 1914 г. из-под пера украинских авторов вышло огромное количество материалов, в которых Украина фигурировала как один из наиболее важных регионов, из-за которых, собственно, и идет война.

Нужно отметить, что Италия сразу заняла в информационной деятельности украинского движения важное место как одна из европейских держав, которая, очевидно, должна была вступить в войну на стороне одного из двух блоков (Антанты или Тройственного союза). Этот расчет оказался верным. Италия, появившаяся на карте как единое государство только в 1870 г., стремилась не только получить свою долю в ходе «колонизальной гонки», но и укрепить собственные позиции в Европе. Как и многие другие «новые» страны, Италия начала активно «узнавать» мир вокруг себя. Это касалось и тех регионов, которые не входили в традиционный итальянский ареал.

На этом фоне Союз освобождения Украины, объединивший ряд украинских политиков — от социал-демократов до националистов, — приступил к выпуску печатной продукции для Италии. Уже в сентябре 1914 г. в Риме вышел памфлет Владимира Дорошенко с кратким описанием украинского политического ландшафта и задач Союза в текущих условиях². В скором времени там же были выпущены итальянские версии «Украины и украинцев» географа Степана Рудницкого и «Русской Украины» журналиста Андрея Жука³, которые получили в Италии определенный отклик⁴.

Возникшее после окончания Первой мировой войны молодое украинское государство стремилось заявить о себе на Парижской мирной конференции 1919 г. Среди тех стран, с которыми Украинская народная республика (УНР) стремилась установить дипломатические отношения, была и Италия. Как отмечает итальянский специалист по Украине Люка Кальви, украинские миссии имели двойное назначение, планируя не только найти в главных европейских столицах поддержку, но и обратить внимание Западной Европы на украинский вопрос и «большевистскую опасность»⁵. Италия, хотя и оказалась в стане победителей, тем не менее, не получила тех территориальных и экономических преимуществ, на которые изначально рассчитывала.

Именно в этих условиях в Италии впервые возникла идея «поворота на Восток» с целью возмещения бенефиций, не полученных по результатам войны. В данной связи речь заходила и об Украине. Часть итальянской прессы оценивала ее как «прекрасное поле для деятельности»⁶. Тем не менее, руководство страны пока что воспринимало подобные идеи достаточно спокойно, осознавая нестабильное положение УНР⁷. Надежда главы украинской миссии Василия Мазуренко заручиться поддержкой итальянских властей не оправдалась. Это произошло в силу того, что тогдашние руководители внешней политики страны были против расчленения России и справедливо указывали на отсутствие в Италии культуры для восприятия украинских реалий⁸.

Возврат к украинской тематике начался после прихода к власти в Италии фашистской партии и ее лидера Бенито Муссолини. Еще в свою бытность журналистом в 1919–1920 гг. он писал, что Украина способна сломить гегемонию англичан на Черном море и стать оплотом борьбы с большевизмом⁹. Любопытно, что первоначально внимание Муссолини на Востоке было обращено на Кавказ, откуда поступало около трети необходимой Италии нефти¹⁰. Этот факт обусловил определенное сближение с Советским Союзом. Вместе с тем, несмотря на хорошие экономические взаимоотношения между Римом и Москвой, Муссолини внутренне не принимал советский строй и надеялся на его возможную ликвидацию в дальнейшем.

Наряду с этим дуче считал, что при вероятном распаде СССР невозможно будет закрепиться на Кавказе без распространения влияния Италии на весь Черноморский регион. Как впоследствии стало известно, еще в 1930 г., в ходе подготовки встречи Муссолини и главы МИД Польши Александра Залесского, намечалось обсудить вопросы независимости не только Кавказа, но и Украины¹¹. Подобные намерения порождали слухи о том, что итальянцы проводят тайную подготовку по организации восстания на Украине и Кавказе, для чего даже связались с турецкими оппозиционерами и бывшим украинским гетманом Павлом Скоропадским¹².

Как указывает немецкий историк Ханс-Адольф Якобсен, здесь проявились и личные амбиции Муссолини, намеревавшегося через Украину и Черное море достичь Кавказа и Центральной Азии, чтобы оттуда грозить британским владениям в Индии¹³. Нужно подчеркнуть, что эти представления генетически произрастают из украинно-германской публицистики времен Первой мировой войны. В то время представители украинского движения стремились убедить Берлин в незаменимости Украины в борьбе с Антантой, рассматривая ее как некий «мост на Восток» — на Кавказ и в Азию¹⁴, к тому же обладавший значительным экономическим потенциалом. Некоторые элементы данного дискурса сохранялись и в послевоенной публицистике, в больших объемах выпускавшейся в Италии как украинскими, так и местными авторами¹⁵.

Очевидно, что с этим интеллектуальным багажом Муссолини познакомил Энрико Инсабато (1878–1963). Этот публицист с авантюрными задатками, бывший анархист, ставший затем ведущим советником итальянского МИД, контактировал с деятелями украинского движения еще со времен Первой мировой войны. По данным польской разведки, Инсабато стал связным между ними и внешнеполитическим ведомством Италии, а, возможно, и самим Муссолини¹⁶.

Намерение Италии участвовать в политических процессах в Восточной Европе привлекало пристальное внимание Организации украинских националистов (ОУН) и ее лидера Евгена Коновальца. Интересы

фашистской партии и ОУН в некоторых случаях совпадали — в частности, это касалось пересмотра границ Югославии и Польши, установленных Версальской системой. В этой связи представители ОУН стремились переключить внимание на себя, чтобы в Риме не начали поддерживать другие сегменты украинской эмиграции, в том числе сторонников УНР¹⁷. Установлением контактов с итальянцами занимался как лично Коновалец, так и его представитель в Италии Евгений Онацкий. Сначала отношения складывались не очень продуктивно. В 1930-1932 гг. Онацкий стремился заинтересовать вопросом о положении Галиции итальянских дипломатов, в том числе и директора Политического департамента МИД Пьетро Кварони. Однако те не проявили интереса к данной проблематике, справедливо указывая на разобщенность украинской эмиграции и не считая ОУН главным выразителем интересов всех украинцев. Кроме того, сам дуче в это время больше интересовался Кавказом¹⁸.

Тогда за дело взялся Инсабато. Его первым шагом стала организация большой информационной шумихи вокруг украинской темы. Уже в следующем 1933 г. в Риме, в рамках серии «Мы и Украина», вышла брошюра Онацкого с говорящим названием «Европейский баланс и украинский вопрос»¹⁹. Ее впоследствии дополнил целый ряд изданий с характерными заголовками: «Тарас Шевченко — бард Украины», «Симон Петлюра — герой и мученик Украины», «Гетман Мазепа»²⁰. Примечательно, что и статья об Украине в официальной государственной энциклопедии была в основном написана в духе «национальной» исторической школы Михаила Грушевского²¹. Перейдя к практическим действиям, Инсабато в феврале 1934 г. встретился с Коновальцем в Швейцарии, чтобы обсудить с ним вопросы дальнейшего сотрудничества, а затем отправился для сбора информации в Галицию и Волынь²².

Очевидно, эта поездка укрепила итальянского контрагента украинских националистов во мнении, что ОУН не имеет на украинских территориях Польши решающего влияния, не говоря уже о «большой» Украине. По крайней мере, этим можно объяснить дальнейшее развитие украинской стратегии Италии. В том же 1934 г. Инсабато вышел на Внешнеполитическое ведомство гитлеровской Национально-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), также имевшее тесные связи с украинскими эмигрантами и участвовавшее в разработке уже немецкой программы в отношении Украины. Партнером Инсабато здесь стал Георг Лейббрандт, руководитель Восточного отдела. С 1934 г. Лейббрандт и Инсабато активно обменивались мнениями относительно переустройства Восточной Европы²³, при этом уроженец Украины Лейббрандт, так же, как и его корреспондент, рассматривал вероятность реконструкции украинской государственности.

Следует отметить, что в условиях начавшегося сближения Италии и Германии восточноевропейские сюжеты также выдвинулись на первый план. Это было связано не только с тем, что Рим и Берлин потенциально могли оспорить друг у друга право их регулирования. И с итальянской, и с немецкой стороны вокруг Восточной Европы (и, не в последнюю очередь, Украины) быстро сформировался сложно разрешимый комплекс противоречий. В первом случае Италию беспокоила вероятная экспансия Германии на восток и юго-восток, и в Риме желали бы что-то ей противопоставить. Тем не менее, Италия не желала портить отношения с Польшей и СССР, да и стремление заявить о себе на Востоке во многом было обусловлено личными амбициями Муссолини²⁴.

В нацистском же руководстве относительно самой концепции Востока и вероятной украинской государственности существовал заметный разброс мнений. Так, руководитель Внешнеполитического управления, партийный идеолог Альфред Розенберг допускал существование Украины, тогда как Йозеф Геббельс был сторонником единой некоммунистической России. По сведениям польской разведки, эмиссары министра пропаганды из числа русских белоэмигрантов в конце 1936 г. прибыли в Рим с целью установить контакты с министром иностранных дел Галеаццо Чиано и лично Муссолини и представить им преимущества позиции Геббельса. Инсабато попытался воспрепятствовать этому и в январе 1937 г. обращал внимание Чиано на то, что «панславизм», будь он «белый» или «красный», одинаково угрожает Италии²⁵.

Вместе с тем, Инсабато понимал, что из-за Восточной Европы между Римом и Берлином может возникнуть конфликтная ситуация. В этом смысле вчерашний журналист проявил себя неплохим аналитиком и дипломатом (если это, конечно, была его собственная идея). Концепция Инсабато заключалась в том, что Восток должен был стать как бы общим проблемным полем Италии и Германии, где требовались совместные действия. При этом, в условиях постепенного смещения Италии в выраженно антисоветскую сторону, следовало переключить внимание на взаимодействие в поддержке подрывной деятельности на территории СССР. Так, в 1937 г. Инсабато предложил создать особое итало-германское бюро по исследованию и дальнейшему использованию центробежных сил в Советском Союзе²⁶. Используя контакты с Лейббрандтом, Инсабато стремился через его непосредственного начальника Розенберга вывести украинскую проблематику на новый уровень. Однако, когда в сентябре 1937 г. статс-секретарь итальянского МИД Джузеппе Бастианини предложил Розенбергу разработать совместный план действий в этой сфере, последний уклонился от встречи, ссылаясь на отсутствие разрешения Гитлера на такого рода переговоры²⁷.

Что касается украинских националистов, то в Риме (очевидно, не без предварительной договоренности с Берлином), канализировали их деятельность на своей территории в информационно-пропагандистское русло. Инсабато, по всей видимости, намеренно сводил Онацкого с теми чиновниками, которые, хоть и занимали с виду значимые посты, на практике мало что решали²⁸. Онацкий, однако, развил бурную деятельность. В частности, в 1936 г. он организовал в Высшем институте Востока в Неаполе кафедру украинского языка и литературы, а год спустя издал там же теоретико-практическую грамматику украинского языка для итальянцев²⁹.

Кроме того, посредством многочисленных украинских изданий по всему миру Онацкий популяризировал достижения и особенности государственного строя тогдашней Италии, что, несомненно, было на руку фашистской партии. Стремясь подчеркнуть близость Украины и Италии, Онацкий писал, что Украина по всем показателям относится к «средиземноморской цивилизации» и, находясь «между Европой и Азией», выступает в качестве «авангарда Европы против азиатского вторжения»³⁰. Итальянские издания в ответ подчеркивали, что украинцы являются «первой линией защиты этнического, культурного и духовного наследия белой расы от азиатского нашествия»³¹. При этом, по данным польской разведки, еще в сентябре 1935 г. Инсабато отказал Коновальцу в получении итальянских субсидий³², в результате чего последнему пришлось довольствоваться достаточно скудным немецким финансированием³³.

Таким образом, как справедливо указывает украинский историк В. Ковальчук, сотрудничество Италии с украинскими националистами постепенно свелось к взаимовыгодной пропагандистской работе и в итоге не вышло за рамки политических консультаций³⁴. Тем не менее, было бы преувеличением утверждать, вслед за российским историком К. Федевичем, что единственное, что оставалось Италии — это поддерживать Германию в ее украинской политике³⁵. В Риме понимали, что украинская — и шире — восточноевропейская проблематика вовлекает, помимо Германии и Италии, еще как минимум трех участников — Польшу, Чехословакию и Венгрию, то есть страны, которые имели друг к другу определенные территориальные претензии. Еще в 1934 г. Инсабато предлагал создать антисоветский блок с участием Италии, Германии, Польши и Венгрии³⁶. При этом с итальянской точки зрения, если бы речь зашла о решении вопроса независимости Украины, то его следовало рассматривать исключительно в советских границах, наряду с упрочением положения Польши в Восточной Галиции³⁷. Вероятно, здесь свою роль сыграли представления Италии об Украине образца 1919 г., когда в Галиции существовала Западно-Украинская народная республика, лишь формально связанная с территорией УНР.

С целью упреждения действий Германии итальянцы были не против создания польско-венгерской границы, чтобы не допустить дальнейшего распространения влияния Германии в Юго-Восточной Европе³⁸. Этот сюжет стал особенно актуальным после аншлюса Германией Австрии в марте 1938 г., который вызвал определенные трения между Италией и Германией. Когда в октябре того же года венгерский военный атташе в Риме Ласло Сабо передал начальнику итальянского Генштаба Альберто Париани карту с обозначением венгерских требований к Чехословакии, Италия согласилась с ними, хотя Германия одобрила их лишь частично³⁹. Как сообщала в том же месяце немецкая газета «Берлинер Тагеблатт», в свете оккупации Польшей чехословацкой Силезии Италия была готова поддержать Польшу в «радикальном решении» вопроса Карпатской Украины⁴⁰, тогда входившей в состав Чехословакии. Когда в марте 1939 г. Закарпатье было присоединено к Венгрии, министр иностранных дел Италии Чиано сделал заявление о том, что его страна рада, что Венгрия и Польша достигли своих целей⁴¹.

Вместе с тем, стоит заметить, что в своей долгосрочной украинской стратегии итальянская сторона не учла два ключевых момента. Они заключались в вариативности представлений о будущей восточной политике у политического руководства рейха и лично Гитлера, а также ситуативности применения понятия «Украина» в германской стратегии. Последнее действительно использовалось германской стороной в геополитических калькуляциях с участием нескольких контрагентов в Восточной Европе. Однако, когда баланс европейской политики уже был нарушен в 1939 г., после оккупации Германией части Чехословакии и ликвидации польской государственности, Украина как бы вливалась в дальнейших стратегических планах в общее понятие «Восток».

На такое ранжирование влияла и определенная традиция представлений Германии о Восточной Европе, которая у Италии, по понятным причинам, отсутствовала. Хотя научным изучением украинских реалий занимались целых три профильных учреждения — в Риме, Милане и Неаполе, Украина, не без участия эмигрантских пропагандистов, представлялась итальянскому руководству неким неизменным узловым регионом Восточной Европы, лежащим в центре любых стратегических построений относительно восточноевропейского будущего. Кроме того, нужно сказать еще об одном парадоксе. Италия, хотя морально и не принимала версальский миропорядок, при формировании политической адженды отталкивались именно от него. Нацистам же он был настолько чужд, что даже при стратегическом планировании на Востоке они исходили из идеологических, а не прагматических предпосылок.

Таким образом, указанные особенности восприятия Восточной Европы и Украины как ее части не способствовали взаимопониманию Берлина и Рима на этом направлении и, что важнее в данном контексте, отдаляли Италию от текущей реальности. Очевидное первенство Германии в регулировании политики на Востоке не смущало Муссолини. Консультации между Лейббрандтом и Инсабато по украинскому вопросу продолжились и в 1940 г. После нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 г. дуче Италии, чтобы обозначить свое участие в процессе, отправил на Восточный фронт экспедиционный корпус, позднее развернутый в армию. Не в последнюю очередь эта самонадеянность и разгром неподготовленных к боевым действиям на Востоке итальянских частей приблизили военно-политическую катастрофу Италии и свержение Муссолини, мечтавшего о новой Римской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Jeremiev M.* La Questione ucraina all'epoca del Risorgimento italiano. Roma, 1929.

² *Doroscenko W.* Brevi cenni dei partiti politici dell'Ucraina. Roma, 1914.

³ *Rudnyzkyj S.* L'Ucraina e gli ucraini. Roma, 1914; *Žuk A.* L'Ukraina russa. Roma, 1914.

⁴ *Calvi L.* La conoscenza dell'Ucraina in Italia tra le due guerre // *Annali di Ca' Foscari.* № 1–2 (1992). P. 19.

⁵ *Ibid.* P. 18.

⁶ *Bondioli R.* Ucraina: terra del pane. Milano, 1941. P. 247–248.

⁷ *Milow C.* Die ukrainische Frage 1917–1923 im Spannungsfeld der europäischen Diplomatie. Wiesbaden, 2002. S. 199–200.

⁸ *Съєдина Д.* Эмигрантская полемика: князь А.М. Волконский и Е.Д. Онацкий // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 304.

⁹ Там же. С. 308–309.

¹⁰ *Федевич К.К.* Украинский вопрос и Италия в 1930-е гг. (По материалам резидентуры польской разведки в Италии «Капри») // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. М., 2003. С. 269.

¹¹ Там же.

¹² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 772к. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

¹³ *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistische Außenpolitik 1933–1938. Frankfurt am Main, 1968. S. 87.

¹⁴ *Schupp F.* Die Ukraine, Deutschlands Brücke zum Morgenland // Die Ukraine. Kriegspolitische Einzelschriften. Heft 12. Berlin, 1916. S. 101.

¹⁵ *Calvi L.* *Op. cit.* P. 22.

¹⁶ *Федевич К.К.* Указ. соч. С. 270–271.

¹⁷ *Ковальчук В.* Українське питання у листуванні членів ОУН з італійськими державними діячами у 1930-х роках // Український археографічний щорічник. Вип. 13/14. Київ, 2009. С. 357.

- ¹⁸ Там же. С. 356–357.
- ¹⁹ *Onatsky E.* L'equilibrio europeo ed il problema ucraino. Roma, 1933.
- ²⁰ *Mainardi L.* Taras Scevcenco, il bardo dell'Ucraina. Roma, 1933; *idem.* Simone Petliura: eroe e martire dell'Ucraina. Roma, 1935; *Taddei F.* L'etnismo Mazepa. Roma, 1933.
- ²¹ Ucraina // *Enciclopedia Italiana.* Т. XXXIV. Roma, 1937. P. 594–601.
- ²² *Roos H.* Polen und Europa. Tübingen, 1957. S. 150.
- ²³ *Jacobsen H.-A.* Op. cit. S. 86.
- ²⁴ *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Außenpolitik, 1933–1939. Helsinki, 1984. S. 131–132.
- ²⁵ РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 405. Л. 6.
- ²⁶ *Jacobsen H.-A.* Op. cit. S. 86.
- ²⁷ *Kuusisto S.* Op. cit. S. 131–132.
- ²⁸ *Ковальчук В.* Указ. соч. С. 359.
- ²⁹ *Onatsky E.* Grammatica ucraina, teorico-pratica. Napoli, 1937.
- ³⁰ *Onatsky E.* Studi di storia e di cultura ucraina. Roma, 1939. P. 1–4.
- ³¹ *Bondioli R.* Ucraina, la storia e l'anima di un grande popolo. Roma, 1939. P. 9.
- ³² РГВА. Ф. 308к. Оп. 7. Д. 379. Л. 7.
- ³³ Там же. Оп. 3. Д. 405. Л. 24.
- ³⁴ *Ковальчук В.* Указ. соч. С. 363.
- ³⁵ *Федевич К.К.* Указ. соч. С. 277.
- ³⁶ *Kuusisto S.* Op. cit. S. 122.
- ³⁷ *Федевич К.К.* Указ. соч. С. 274.
- ³⁸ *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 211.
- ³⁹ Там же. С. 169, 181.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 271к. Оп. 1. Д. 91.
- ⁴¹ *Пушкаш А.И.* Указ. соч. С. 278.